

**ВОЕННАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА И КОНЦЕПТ «ПУШКА»
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА
НА ФОНЕ ДРУГИХ ЛИНГВОКУЛЬТУР**

Л.Н. Третьякова

Кафедра русского языка №3
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 177198

Статья посвящена военной концептосфере и концепту «пушка». В работе определяются сущность и признаки военного концепта-символа “пушка”, рассматривается эволюция концепта.

Ключевые слова: военная концептосфера, военный концепт-символ «пушка»

В начале XXI века во всем мире повысился интерес к военной концептосфере русского языка. Понятие концептосферы является основополагающим понятием когнитивной лингвистики. Согласно определению Д.С. Лихачёва концептосфера – это совокупность концептов нации. Д.С. Лихачёв отмечал, что, чем богаче культура нации, её фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концепто-

сфера народа.[3]. Можно говорить о существовании военной концептосферы русского народа.

Рассмотрим сегмент концепта «Вооружение» – огнестрельное орудие пушка. Изучение концепта «пушка» выполнено в русле лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Объектом изучения стал концепт «пушка», предметом – этнокультурные характеристики данного концепта.

Определим статус концепта «пушка» на понятийном, образном, ценностном уровнях, выявим его специфику в русской лингвокультуре. Данная работа основывается на следующих положениях, доказанных в научной литературе: важнейшей единицей исследования языковой картины мира является концепт, представляющий собой сложное ментальное образование и обладающий национально-культурной спецификой. Концепт актуализируется в языке и имеет понятийные, образные и ценностные составляющие (Д.С. Лихачёв, Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачёв, В.И. Карасик). Выявление культурно-национального своеобразия и ценностной составляющей концепта невозможно без исследования паремиологического фонда русской культуры, а также без анализа афоризмов, репрезентирующих данный концепт. Пословицы и афоризмы представляют собой продукты языкового народного сознания и являются материализацией опыта поколений данной лингвокультуры. В.И. Даль дает пространное определение пушки, приводит пословицы и поговорки русского народа.

Русскому народу принадлежит приоритет в создании Первого пушечного двора и самой большой пушки – Царь-пушки. В.И. Даль указывает: «Царь-пушка, громадных размеров, хранится в московском кремле, вероятно в дело негодна» [1, 545]. Царь-пушка отлита Андреем Чоховым в 1586 году. В качестве народного анекдота концепт «Царь-пушка» используется в русской художественной литературе:

«– Я искореняю взятки, – сказал московский губернатор Сенявин седому крестьянину, подавшему жалобу на какую-то явную несправедливость. Старик улыбнулся.

– Что же ты смеешься? – спросил Сенявин.

– Да, батюшка, – ответил мужик, – ты прости; на ум пришел мне один молодец, похвалялся царь-пушку поднять, и точно, пробовал – да только пушку-то не поднял!»

Сенявин, который сам рассказывал этот анекдот, принадлежал к тому числу непрактичных людей в русской службе, которые думают, что риторическими выходками о честности и деспотическим преследованием двух-трех плутов, которые подвернутся, можно помочь такой всеобщей болезни, как русское взяточничество...» [2, 226]

Фразеологическая зона когнитивно-семантического поля концепта представлена рядом ФЕ универсального характера:

Семантическая «плотность» данного концепта проявляется в общеязыковой фразеологии не только русского, но и других языков. Например, \diamond *как из пушки* – вовремя, точно (о времени); нем. *wie aus der Kanone geschossen* (разг.) – мгновенно, с быстротой молнии. Это I тип фразеологизмов, выражающих время.

Приведем иллюстрированный материал из русской художественной литературы:

1. «Я послезавтра буду к девяти, *как из пушки*». (В. Лидин, Раковина из Карибского моря).

2. «В пять часов утра всем быть на поле *как из пушки*» (С. Антонов, Весна).

3. «А ты иди отдыхать в гостиницу. В двенадцать часов я – *как из пушки*» (П. Капица, В дни разлуки).

4. «То-то к пушкинским избушкам // Лепитесь, что сами – хлам!

Как из душа! *Как из пушки* – // Пушкиным по соловьям».

(М. Цветаева, Стихи Пушкину)

Однако конституентный состав русских военных фразеологизмов имеет более высокую степень разнообразия и иррегулярности по сравнению с составом фразеологических единиц немецкого языка. Например, II тип – фразеологизмы, выражающие количество, ме-

ру: \diamond *пушкой не прошибешь (не пробьешь)* (разг. – в огромном количестве, обычно о большом скоплении людей в каком-либо месте (в помещении, на площади, в вагоне и т.п.): «Вокруг вольницы веселый свист топот. Народу – *пушкой не пробьешь!* И всюду шум, как будто моря ропот» (И.Никитин, Тарас).

М.И. Михельсон даёт такое определение и пример: *пушкой не прошибёшь* – о невозможности бороться с чем-нибудь – о тесной толпе. «Около пяти часов вся улица запружена была нищей братией. Эко рвани-то, рвани-то что понапёрло, *пушкой не прошибёшь*, замечает дворник».

(Горбунов. Из московского захолустья.) [5, 155-156].

III тип – фразеологизм, выражающий расстояние: \diamond *не подпускать на пушечный выстрел* – собственно русское, из речи военных (стреляя из орудия, не дают возможности неприятелю подойти к позиции на близкое расстояние). Калька с французского: «К Козину? Да Вы с ума сошли! Он журналистов *на пушечный выстрел* не допускает и вообще редко кого принимает...» (из газет).

IV тип – фразеологизм, выражающий неудачный подход к делу: \diamond *стрелять из пушки по воробьям* – затрачивать много сил, средств на что-либо, дающее ничтожные результаты. Немецкий вариант: *mit Kanonen auf (nach) Spatzen schießen* (разг., ирон.).

V тип – фразеологизм, выражающий обман: \diamond *брать (взять) на пушку кого-либо* (просторечное):

1) пытаться угрозами добиться чего-либо от кого-либо;

2) пытаться обманом добиться чего-либо от кого-либо (собственно русское), из воровского арго, пушка – револьвер.

VI тип – фразеологизмы, выражающие отрицательное отношение к войне: \diamond *пушечное мясо* – о солдатах, насильственно или бессмысленно посылаемых на смерть (калька с французского): «По улицам Зеница маршируют рекруты-подростки для армии боснийских мусульман, которых после месячной военной подготовки бросят в качестве *пушечного мяса* в горнило войны» (из газет); «Снабжая экстремистские группировки самым современным оружием, пакистанская военщина продолжает бросать в бой всё новые и новые отряды мятежников, используя их по существу в качестве *пушечного мяса...*» (из газет). Мы наблюдаем в языке газеты разнообразные авторские трансформации военных фразеологических единиц. Например, данный фразеологизм часто подвергается стилистической переработке для создания определенного художественного эффекта. Разберем в качестве примера стилистическую переработку фразеологического оборота в статье Олега Мороза. В заглавии журналист деформирует первоначальную структуру фразеологизма, создавая определенный саркастический эффект: «Больше *мяса* стране!.. *Пушечного!*» (из «Литературной газеты»).

Далее автор трансформирует фразеологическую единицу (ФЕ) *пушечное мясо*, делая акцент на слове *мясо*: «Вообще из всех видов мяса генералы, как правило, больше всего любят *мясо пушечное*. Вместо того, чтобы в конце концов начать радикальные реформы в армии, о чем они талдычат уже целый год, но ради чего не ударили пальцем о палец, доблестные полководцы-военачальники решили пойти по привычному примитивнейшему пути – умножить число «некрутов» (Олег Мороз, «Литературная газета»). Проанализируем трансформацию данного фразеологизма для создания нового яркого образа в речи Лу Геворкян в статье «Экстремистов используют как мясо с плакатами»: «Когда-то при Советском Союзе и армяне, и грузины, и русские, и узбеки, и таджики, и чеченцы – все нации жили в мире. А теперь люди выходят на Манежку и с пеной у рта орут, что, если всех выгнать, в стране станет лучше. Лучше не станет. Станет еще хуже. И проблема эта гораздо страшнее, чем кажется тем, кто выходит с этими лозунгами. Эти дети просто не понимают, что их просто тупо используют как *обычное мясо с плакатами*. А если понадобится, используют как *пушечное мясо*» [ж. «Кампус», 2(40) май 2011, с.14).

Рассмотрим другой выразительный прием – образование по модели ФЕ новых оборотов. Статья «*Когда льется пиво, пушки молчат*»: «В шикарных отелях удивительного заповедника природы израильские туристы живут по соседству с туристами египетскими, пьют в жару чай и пиво на верандах, беседуют обо всем, в том числе о прелестях мирного сосуществования» («Комсомольская правда»).

Следующий выразительный прием – наполнение ФЕ новым смысловым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности: статья «*Наши жены – пушки заряжены...*». В статье речь идет о бедственном положении, в котором живут офицерские семьи: «Жилищная – лишь одна из многих проблем армии. Но и сама по себе она может привести к социальному взрыву» («Комсомольская правда»).

Этноспецифичность концепта «пушка» проявляется в народной русской игре – городки. Среди названий городошных фигур – термины артиллерийской науки: пушка, артиллерия.

Метафорика концепта проявляется в творчестве поэта Николая Клюева: зоометафоры «*пушка-боров*», метафорическая модель ПУШКА – ЖИВОТНОЕ, фрейм «Состав царства животных»: «Поселиться в лесной избушке // С кудесником-петухом,

Чтоб не знать, как *боровы-пушки* // Изрыгают чугунный гром».[3, 431].

Концепт приобретает отрицательный аксиологический статус с эмоциональным оценочным значением: Клюев раскаялся, что вначале принял революционные преобразования Октября. В стихотворении поэта «*Слезный плат*» (1916) появляется новая метафора – «*пушка-ворон*», метафорическая модель ПУШКА – ПТИЦА, фрейм «Состав царства птиц», слот «*Хищник-падальщик*»: «Буду Гурию-Свету молиться // О солдате в побоище смертном, –

Чтобы вражья поганая сабля // При замашке закал потеряла.

Пушки-вороны песенной думы // Не вспугнули бы граем железным».

Семантическая плотность концепта представлена и в ономастике, где мы наблюдаем пересечение концепта «пушка» в славянских лингвокультурах.

Рассмотрим фамилии, связанные общим корнем: «пушкарь». Пушкар – старинное название русских артиллеристов. Первыми пушкарями назывались литейщики пушек, которые одновременно являлись артиллеристами. Данные фамилии с общим корнем «пушкарь» являются антропонимическим памятником одному из старейших родов войск – артиллерии. Русские фамилии: Пушкин – Пушкарёв – Пушечников – Пушешников < пушечный мастер < пушка; украинские фамилии: Пушкарь – Пушкаренко ; Пушкаревич – Пушкарчук (украинские и белорусские фамилии) < пушкарь < пушка; болгарская фамилия – Пушкарев. Старинное русское слово сохранилось и в топонимах: село Пушкарное (в Белгородской, Курской (в Кореневском и Суджанском районах) областях России и в Сумской области в Украине.) История названия села Пушкарное (Курская область, Кореневский район) тесно связана с военной историей. В XVIII веке царь Петр I наградил землями, на которых расположено село Пушкарное, особо отличившихся пушкарей в войне со шведами. Далее:

село Пушкар (в Липецкой, Рязанской, Тамбовской, Черниговской областях России, в Удмуртской республике); село Пушкарёво (в Волгоградской, Ивановской, Калининградской, Омской областях России); село Пушкарёвка (в Полтавской области в Украине); село Пушки (Витебская область в Беларуси);

улица Пушкарная, улица Пушечная (в Москве).

Таким образом, концепт «*пушка*» как сегмент концепта «вооружение» имеет свои отличительные признаки: «семантическую плотность» (представленность в плане выражения целым рядом пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и символов (предметов материальной культуры), ориентированность на план выражения (наличие специфической языковой метафорики) и этноспецифичность. Русские пушки-памятники – символы российской военной славы, артефакты, связанные с памятью о войнах.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Герцен А.И. Былое и думы. – М., 1978, С. 226.
[2] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II – М., Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1955, С.545.
[3] Ключев Н. А. Сердце единорога – СПб, 1999, С.431.
[4] Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН – СЛЯ, 1993, №1, С. 3-9.
[5] Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Т.2 – М., Терра, 1994. С.156-157.

LITERATURA

- [1] Gertsen A.I. Byiloe i dumyi. – М., 1978, С. 226.
[2] Dal V.I. Tolkoviy slovar jivogo velikorusskogo yazyika, t. II – М., Gos. izdatelstvo inostrannyih i natsionalnyih slovarey, 1955, S.545.
[3] Klyuev N. A. Serdtse edinoroga – SPb, 1999, S.431.
[4] Lihachëv D.S. Kontseptosfera russkogo yazyika // Izvestiya RAN – SLYA, 1993, №1, S. 3-9.
[5] Mihelson M.I. Russkaya myisl i rech. Svoë i chujoe. Opyit russkoy frazeologii. T. 2 – М., Terra, 1994. S.156-157.

PICTURE OF THE WORLD OF THE RUSSIAN PERSON AGAINST OTHERS LINGVOCULTURES MILITARY CONCEPT-SPHERE AND CONCEPT "GAN" IN THE LANGUAGE

L.N. Tretyakova

People`s Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the sphere of military concepts and the concept «gan». The entity of this concept and symbol and its features are being defined in the article. We are also investigating the evolution of the concept.

Key words: the sphere of military concepts, symbol and concept «the gan».